

2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием [http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul\\_content.htm](http://www.kara-murza.ru/books/manipul/manipul_content.htm) (дата обращения 28.01.2015).
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Эдиториал, 2004 – 256 с.
4. Никитина К.В. Политический дискурс СМИ и его особенности, создающие предпосылки для манипуляции общественным сознанием. /Управление общественными и экономическими системами. 2006. №6. с.1-6.
5. Перельгут Н.М., Сухоцкая Е.Б. О структуре понятия политический дискурс <http://cyberleninka.ru/article/n/o-strukture-ponyatiya-politicheskij-diskurs> (дата обращения 28.01.2015).
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000) Екатеринбург, 2001. - 238 с.
7. Эльсберг Я. Образ в публицистике / Я.Эльсберг. - М.: Сов. печать, 1960. - №10. – С.18-27.

УДК 81.115

ББК 81.411.003-3+81.471.1-003

## ЗООМОРФИЗМЫ КАК ФРАГМЕНТ РУССКОЙ И ФРАНЦУЗСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

### ZOOMORPHISMS AS PART OF THE RUSSIAN AND FRENCH PICTURES OF THE WORLD

И.Д. Белеева, М.С. Сафуанова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург

**Аннотация:** Статья описывает зооморфизмы как фрагмент русской и французской языковых картин мира, наглядно подтверждая национально-культурную специфику метафор, связанную как с различиями в образе жизни этносов, так и с различиями в символическом осмыслении зооморфного образа.

**Ключевые слова:** языковая картина мира, зооморфная метафора, антропоморфичность, коннотация, лексема, афористика.

**Abstract:** the article describes zoomorphisms as a part of Russian and French linguistic pictures of the world, proves a nation-specific character of metaphors, the latter being tied to cultural mode of life and discrepancies of symbolic interpretation of a zoomorphic image.

**Key words:** linguistic pictures of the world, zoomorphic metaphor, anthropomorphism, connotation, lexeme, aphoristica

Известно, что зооморфная лексика является межъязыковой универсалией, отражающей общую когнитивную тенденцию антропометрической метафоризации, которая основана на механизме сравнения человека и животного. Наблюдения зооморфных метафор позволяет выявить тот фрагмент наивной картины мира, в котором спроецированы модели восприятия образа человека носителями того или иного национального языка. Существование в языке и мышлении развернутой системы коннотативных образов, с одной стороны, отражает систему национальных ориентиров, а с другой – предопределяет существование и развитие стереотипов национального мышления» [3: 106-111].

Исследование языковой картины мира (ЯКМ) дает возможность обнаружить отражение общечеловеческих процессов категоризации действительности и особенности национальной ментальности. Так, например, отмечается, что «на общности человеческих наблюдений над характером и повадками животных основано сходство многих устойчивых сравнений в самых разных языках. Разумеется, необходимым условием такого сходства должна быть общность животного мира и популярность того или иного зверя у народа, имеющего такие обороты» [5: 106]. Это наблюдение подтверждается лексикографическими данными: фрагменты русской и французской языковых картин мира изоморфны в плане соотношения метафорических моделей, но неизоморфны в плане лексического наполнения конкретных моделей. Думается, что это не случайно, поскольку «выбранный для метафорического переосмысления признак играет роль маркера. Этот маркер должен воплотиться в номинации, которая именно этот признак и именно в данном конкретном национальном языковом сознании олицетворяет в наибольшей степени. Выбор символа наиболее характерного признака не может не быть детерминирован коллективным национальным языковым сознанием, включающим в себя в качестве составных частей и особенности национальной образности мышления, и национальную эстетику, и всю коннотативную зону языка. Метафоричность слов уникальна в каждом языке, она создает неповторимую национальную особенность языков, которая в значительной мере влияет на восприятие и понимание человеком мира» [4: 61-62].

Как известно, ЯКМ как феномен, характеризуется субъективностью,

антропоморфичностью, стабильностью и изменчивостью, способностью отображать реальное и виртуальное ментальные пространства, национально-культурной обусловленностью, вариативностью в выборе образов и языковых средств для целей категоризации действительности. «Человеку как познающему субъекту - носителю когниции - приписывается активная роль в формировании значений языковых единиц: человек формирует значения, а не получает их в готовом виде, - а также активная роль в выборе языковых средств выражения для описания той или иной ситуации и в понимании мотивов этого выбора» [1: 18].

Рассмотрение и изучение в заданном аспекте зооморфной лексики различных языков дает возможность выявить важные компоненты языковых картин мира, соотносительных по механизмам метафорических переносов (в частности, в такой продуктивной модели, как «мир животных - мир человека») и отличающихся характером лексической категоризации действительности. Устойчивая система образов, существующая в группе зооморфной лексики, может рассматриваться, с одной стороны, как «ниша для кумуляции мировидения, которая, так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» [9: 215], с другой, - как способ выявления стереотипов национального сознания, как «некоторая форма рефлексии, отражения человеческих отношений, восприятия другого» [8: 291].

Анализ фрагмента языковой картины мира, отражающего представления о человеке посредством зооморфной метафоры позволяет выявить определённые фиксации ценностных ориентаций русского и французского народов, прагматические и эмоционально-оценочные установки, формирующиеся в процессе освоения мира в сознании носителей традиционных культур. Наблюдения показывают, что, например, родовые обозначения объектов животного мира в обоих языках используются для оценочной характеристики тех же свойств человека, что и конкретные видовые: по интеллектуальным качествам (например, *животное* - о неразвитом, неумном человеке; *баран* - тупой, ничего не понимающий); по проявлениям характера (например, *зверь* - о чрезвычайно жестоком, свирепом человеке; *собака, пес, волк* - о злом человеке); по поведенческим реакциям (*скот, скотина* - о грубом, низком, подлом человеке; *свинья* - о человеке, поступающем грубо, неблагодарно и низко); по социальному положению (*птица* - о человеке, с точки зрения его общественного положения) и т.д.

Так, некоторые интересные особенности отражения в зооморфизмах национально-культурных коннотаций можно пронаблюдать на примере обозначений лошади в русском и французском языках. В русском языке для обозначения образа лошади существует несколько лексических единиц: *лошадь*, *конь*, *кобыла*, *кляча*, *жеребец*, *мерин* и некоторые другие. Соответственно каждая лексема имеет свою сочетаемость (в том числе и устойчивую) и свой набор коннотаций. Ср., например, *кляча* - разг. пренебр. *плохая, обычно старая лошадь* [6: 323]; *конь* - (преимущ. о самце) *боевой конь, конь-огонь* и т.д. За каждой из номинаций лошади закреплена своя система метафорических значений, свой набор символов, своя афористика, отражающая преломление стереотипов восприятия соответствующего образа русскими. Например, *как ломовая лошадь* (работать много с чрезмерной напряженностью); *как застоявшийся конь* (проявлять нетерпеливое стремление к движению, действию); *как норовистый конь* (своенравный, горячий, порывистый, способный на неожиданные резкие действия). При рассмотрении концепта *лошадь* в русском языке ярко выявляется стереотипность ассоциаций «*кобыла - старая, больная, усталая; конь - здоровый, молодой; лошадь - трудяга, работяга*» [2: 17]. Так, анализ результатов ассоциативного эксперимента со словом *лошадь*, проведенного с русскими студентами, выявил большое количество реакций национально-культурного типа, что демонстрирует «перемещение основных значимых признаков животного из конкретно-бытовой сферы в метафорически обобщенную» [2: 24].

Подобный процесс метафоризации обозначения лошади отмечается и во французском языке, однако, семантика и категоризация образа несколько иная. Отличия заключаются уже в лексическом репертуаре номинаций лошади [10: 361]: французское *cheval* имеет значения *лошадь, конь*, следовательно, оно имеет большую семантическую ёмкость, чем каждое из соответствующих русских обозначений лошади, а значит, и коннотативный потенциал французского *cheval* включает как положительные, так и отрицательные оценочные маркеры. Для французского языкового сознания категоризация действительности через образ лошади является одним из способов формирования когний, связанных с оценкой человека, его физических и интеллектуальных свойств. Ср., например: *un vrai cheval* - *нескладная крупная или некрасивая мужеподобная женщина* (разг.) - экспрессивная оценка внешности женщины. В основе данной зооморфной метафоры лежит представление о лошади как крупном животном. Эти

качества контрастируют с представлением о женщине как создании слабом, хрупком, поэтому внешний вид крупной и сильной женщины получает отрицательную характеристику через сравнение ее с лошадью. Аналогичное экспрессивно-оценочное употребление слов *кобыла* и *лошадь* наблюдается в русском языке по отношению к рослой, нескладной, некрасивой женщине. Однако у слова *лошадь* в русском языке, помимо названных, существуют и другие коннотации: (женщина) много работающая, выполняющая тяжелую работу, выносливая (ср. *пашет как лошадь*). Во французском же языке данная коннотация существует только для употребления в обозначении характеристики мужчины (*un cheval (de labour) - un homme obstiné, infatigable*). *Cheval de course* - *ходок, бабник, часто изменяющий мужчина* - оценка качеств (свойств) человека, основанная на пресуппозиции «лошадь хорошо бежит». Отсюда и переносный смысл зооморфного сравнения по отношению к характеристике мужчины. Выражение *racontez ça à un cheval de bois* представляет оценку интеллектуальных способностей человека (*ты говоришь ерунду, буквально «расскажи это деревянной лошадке»*). В данном метафорическом выражении акцентируется особенность лошади всегда смотреть прямо перед собой при ходьбе, не поворачивая голову в сторону. *Etre à cheval sur qch* – *упорно (строго) придерживаться чего-то* - оценка притязаний человека («быть на уровне»). В данном случае метафорически осмыслена ситуация лошадиных бегов, когда лошади идут «ноздря в ноздрю», не уступая друг другу в скорости. *Ce n'est pas un mauvais cheval* - образное сравнение (*он не злой, не плохой человек, буквально «это хорошая лошадь»*). В основе этой зооморфной метафоры лежат ценностные приоритеты французского народа, основанные на эмпирическом опыте, на былой любви к скачкам на ипподроме, когда на лошадь «ставили» согласно определённым критериям (выносливости, управляемости и покорности человеку). *Changer un cheval borgne contre un aveugle* – *менять шило на мыло, (буквально: менять одноглазую лошадь на слепую)* - метафорическая модель зооморфной номинации, фиксирующая стереотип народной аксиологии (когда-то полезнее животного, чем лошадь для человека не было).

Вышеизложенные примеры ярко демонстрируют национально-культурную специфику метафор и метафорических выражений в русском и французском языках, связанную как с различиями в образе жизни данных этносов, так и с различиями в символическом осмыслении зооморфного образа. Думается, что при изучении лексического потенциала любого

иностранного языка крайне полезно прибегать к сопоставительному аспекту. Подобный подход не только существенно оптимизирует межкультурную коммуникацию, но и важен в прикладном аспекте, помогая, например, в практике перевода избежать смысловых лакун.

#### **Литература:**

1. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. – Тамбов, 2001
2. Булатникова Е.Н. Семантический потенциал слова лошадь в сознании носителей русского языка – *Linguistica juvenis*. Вып. 3. Екатеринбург, 2003
3. Глазунова О.И. Логика метафорических преобразований. СПб., 2000
4. Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003
5. Мокиенко В.М. Вглубь поговорки. – СПб., 1999
6. Ожегов С.И., Скворцов Л.И. Словарь русского языка. М: ООО «Изд. Дом «ОНИКС XXI век»: ООО «Изд. МИР и образование», 2004, 896 с.
7. Огольцев В.М. Словарь устойчивых выражений русского языка. М., 2001
8. Петренко В.Ф. Основы психосемантики. – Смоленск, 1997
9. Телия В.Н. Русская фразеология. – М., 1996
10. Le Nouveau Petit Robert, Dictionnaires le Robert. Paris, 1994

УДК 81'27

ББК 81.053-2+81.432.1

### **ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КВАЗИСУФФИКСАЛЬНЫХ НЕОЛОГИЗМОВ В МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ**

#### **NEOLOGISMS WITH QUASI SUFFIXES IN MEDIA DISCOURSE**

Г.К. Гималетдинова, Л.А. Шаехова

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань

**Аннотация:** Исследование посвящено изучению особенностей функционирования квазисуффиксальных неологизмов в англоязычном медийном дискурсе. Предпринята попытка выявления новых словообразовательных компонентов в семантике неологизмов. Значения квазисуффиксов конкретизируются посредством изучения контекстного употребления неологизмов. Отмечается, что квазисуффиксы в английском языке возникают в результате переразложения морфемного состава слов-стяжений, когда осколочный компонент развивает ярко выраженное значение и становится продуктивным.

**Ключевые слова:** квазисуффикс, неологизм, словообразовательный компонент, медийный дискурс, морфема, коннотативное значение